

КНИГА 1

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Судьба
СМЕЁТСЯ ДВАЖДЫ
ОЛЬГА ВОЛКОВА

Ольга Волкова

Судьба смеется дважды

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Волкова О. А.

Судьба смеется дважды / О. А. Волкова — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Она – дочь прокурора. Он – сын влиятельного олигарха и бандита русского альянса мафии. Их семьи столкнулись лбами, потому что обе оберегают общую кровавую тайну. Сможет ли он принять её любовь, а главное поверить в неё? Сможет ли она, не смотря на всю трудность их пути, противостоять крупному синдикату и завоевать среди них доверие. Возможно, это сплотит их ещё больше, или вовсе разрушит до основания. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Пролог

Нас трое, мы стоим посреди комнаты перед моим отцом. Ещё никогда мне не было так страшно, как сейчас. Но это случилось. Отцовские приспешники выследили нас и силой доставили к нему. А всё потому, что я вышла замуж за одного, а полюбила другого. Возможно всё было бы иначе, если бы не бесконечный отцовский контроль надо мной, который переходил все дозволенные границы. А теперь судьба преподнесла нам сокрушительный выбор, точнее этот выбор предложил он сам. Отец не прощает обмана, а уж предательства вовсе.

– Я мог стерпеть всё, и ты это знаешь. Даже смирился с твоим выбором мужа, – смеётся. – Но он, – указывает на любимого, – ты просто плюнула мне в лицо и в нашу семью.

Я смотрю на стол своего отца и моё внимание привлекает наша общая фотография, на ней он держит меня маленькую, совсем крошечную девочку. Фотография запечатлела всю искреннюю любовь отца ко мне, но теперь в его взгляде печаль и пустота.

– Несите револьверы, – командует он.

Во мне тут же поднимается страх и тревога, я наслышана о его методе решения проблем. Методе искупления.

– Папа, – взываю в нём хоть крупицу пощады. Но он молчит, и даже не смотрит в мою сторону. Кажется, начинаю плакать, тихо, слезы сами потекли дорожками. Хорошо, пусть будет так. Мои мужчины стоят, не проронив ни слова, им запредельно ясно – с отцом спор бесполезен.

Вносят чемодан, а внутри него эти душеотниматели. Сколько на них лежит греха, один бог знает. Но теперь настала наша очередь – сыграть в русскую рулетку. Выбора нет, или мы сами с честью, или нас, как не нужный мусор. Это правило – мы все его знаем, поэтому молча берём оружия и приставляем к своим головам.

Чик.

Чик.

Бам.

Глава 1

– Я устала. Даже не знаю с чего начать. – Смотрю прямо перед собой, а в руках тереблю край рубашки. Мне не особо хотелось раскрываться перед кем-то, но сил держать в себе этот кошмар уже нет. Женщина, сидящая напротив меня, внимательно всматривается в мое лицо, затем делает какие-то пометки в своем блокноте.

–Для начала давайте мы с вами познакомимся и пройдемся по некоторым пунктам, – говорит она мне. Но я не хочу крутиться вокруг да около. Я пришла не для того, чтобы с меня спрашивали мои общеизвестные данные. Этот приход дался мне не так-то легко. И, судя по всему, о нём узнают они.

–Нет. Я заполнила анкету, моё имя и прочая чепуха там записаны, – пренебрежительно отвечаю своему психотерапевту. Она снимает свои очки и осторожно кладёт их на стол, затем устало спрашивает:

– Анна, я просмотрела вашу анкету. Уже три месяца назад. Конечно, я рада, что вы собрались с духом и, наконец, пришли ко мне. Но, прежде чем начать с вами работать, я должна пройти первый пункт своей работы – это знакомство. Налаживание контакта.

Я смотрю на Зою Степановну и не верю своим ушам, что она собралась работать по всем правилам. Мы уже нарушили главную заповедь: не «лечить» своих знакомых, друзей, семью. Но я решила, что именно она сможет помочь мне разобраться в этом адовом кошмаре. Конечно, не легко делиться с таким искренним человеком, желающим помочь всем, помочь почти каждому обрести хоть какое-то подобие спокойствия. Найти или прийти к пути решению наших проблем. Эта женщина повидала столько всего, что от этой мысли мне становится ещё хуже. Я глубоко вдыхаю и со свистом выдыхаю. Пользуюсь её методикой успокоения, которую она, собственно говоря, рекомендовала всем своим студентам в университете.

–Зоя Степановна, я даже не знаю с чего начать, – тут я понимаю, что это действительно так. Мне страшно. Страшно от того, что, если я поделюсь своими сомнениями с ней, поделюсь своими страхами, ужасами, которые снятся мне на протяжении полугода, всё, что я видела и слышала, то может пострадать и она тоже. Наверное, я зря пришла. Они узнают. И мне от этого становится не легче. Я уже подвергла опасности эту невинную женщину. О чём я вообще думала?

Зоя Степановна встала с кресла и обошла вокруг своего стола, всё еще держа в руках блокнот. Она не осуждает меня, не кривит душой, что я её достала своим поведением законченной психички. Но я не психичка, и она это знает. Что только страх не делает с человеком. Он пожирает нас изнутри, выдавая такие формы фобий, о которых раньше никогда бы не подумал.

–Успокойся. Я начинаю понимать, что это как-то связано с Романом Верховским, – она смотрит мне в глаза, ища в них подтверждения. Я чувствую себя застигнутой врасплох. Мой рот то открывается, то снова закрывается, я подобна немой рыбе, которую выбросили на берег, и мне необходим глоток кислорода. – Почему тебя удивляет, что в первую очередь я подумала о твоём муже?

– Мне казалось, мы были осторожны, – на выдохе отвечаю ей. Ответ получился почти неслышным и потерянным. Она отложила блокнот в сторону, затем протянула обе руки ко мне, так, чтобы я вложила в них свои. Я почувствовала себя загнанной в клетку, от чего мне всё равно не легче. В ответ на её действие, я прекратила мучить свою рубашку и подалась вперед, вложив в них свои ладони.

– Аня, возможно ты и была осторожна с Романом в ваших любовных чувствах. Но то, как он заявил на тебя права в институте, мне кажется, запомнится надолго. То, что он сделал – это омерзительно. И ты сама это понимаешь, я не стану тебя даже переубеждать. Глубоко внутри своей души ты ищешь выход, как теперь вырваться на свободу.

– А как я могла ему отказать, Зоя Степановна? В тот момент это был единственный выход. Поймите меня, я оказалась в ловушке. – Я выпаливаю свои слова почти что скороговоркой. Не стоит так доверяться, и открывать свою семейную тайну. Если отец моего мужа узнает хоть об одном моем неверно сказанном слове, я смогу лишиться своего тихого счастья. Но Зоя Степановна права, я действительно хочу на свободу, как раньше. Но этот выход затаился где-то глубоко в дебрях, и я никак не могу его найти. Может, лишь поэтому я решилась на несколько сеансов психотерапии. Она продолжает всматриваться в мои глаза, от такого пристального контакта я начинаю чувствовать себя не уютно. Поэтому отвожу глаза снова в сторону окна.

– Что значит, ты не могла ему отказать? У тебя не было права выбора? Его тебе не предложили? – в ее вопросе слышится подтекст недоверия, смешанного с удивлением. Как будто для нее это стало новостью, что многие вещи в жизни иногда случаются не по нашей прихоти, а за ошибки наших семей приходится платить молчанием или своими жизнями.

Я снова обращаю свое внимание на нее, и понимаю, то, чему учила нас эта женщина: быть открытыми личностями, воплощать свои мечты по мере возможности, реализоваться и ни в коем случае не отчаиваться, – это быть независимым, не смотря ни на какую проблему или обстоятельства в жизни.

– Не могла, – тихо отвечаю я.

– Тогда демоны, что сидят внутри тебя и пожирают до костей, вырвутся наружу. И неизвестно, чем всё кончится. Ты ведь это понимаешь?

Я это прекрасно понимаю, но реальные демоны куда страшнее своих собственных. Мне приходится лишь кивнуть на её вопрос. Настает момент неловкого молчания, но затем она задает тот вопрос, которого я избегала почти пять лет своей жизни.

– Ты полюбила Романа? Ты боишься его потерять?

«Да, я полюбила его и очень боюсь потерять». Эта правдивая мысль сбивает меня с толку. Реальность будто ударяет об стенку и думать о том, что это может закончиться для меня, как смертный приговор. Я не смогу без него. Не смогу. Но, что тогда чувствует Роман? Мы оба пошли против своих семей.

Мои руки начинают дрожать, страх с новой силой накатывает, в глазах появляются мушки и мне хочется покинуть этот кабинет как можно скорее. Зое Степановне не стоит ковыряться в моей жизни. Это была грубая ошибка, прийти именно к ней на приём. Непростительная ошибка. Я вырываюсь из ее рук и мигом выбегаю из кабинета.

На улице весна вступила в полные права, но даже чистый воздух не может наполнить мои легкие кислородом, чтобы хоть как-то снять болевой спазм в груди. Мне нужно присесть. Неподалеку есть парк, и я решаю пойти туда и немного перевести дух, привести мысли в порядок. Теперь необходимо решить проблему, как сделать так, чтобы Роман и его отец не узнали об этой встрече.

Когда я выбрала более-менее безлюдное место, принялась искать в интернете информацию о «подвиге» Романа. Зоя Степановна не просто так заметила этот факт. Даже если она знала о наших с ним отношениях в институте, то его отец нет. Конечно, мне было не приятно, что парень таким образом «заклеймил» меня. Тогда это, казалось, нечто нереальным, что такой видный молодой человек, всё ещё холостяк, из богатой семьи обратит внимание на простую девушку. Но «простой» девушкой оказалась я – дочь Валерия Ворошилова, главного окружного прокурора, к тому же точащего зуб на отца Романа, Давида Верховского – крупного олигарха и главы компании «СтальИнк». Когда до него дошел слух, что его сын собрался жениться на дочери его закоределого врага, он предпринял столько методов переубеждения как меня, так и Романа, что со счета можно сбиться. И методы были не совсем гуманными. Но я отбрасываю эти воспоминаия, не хочу, чтобы они снова поглотили мой разум. Листая страницы в интернете одну за другой, я натываюсь на рубрику «Неожиданный поворот», в ней освещается жизнь отца Романа, но потом мое внимание привлекает фотография самого Романа с какой-

то незнакомкой. Они мило улыбаются, как будто знают друг другу целую вечность, и незнакомка обнимает за талию моего мужа. Эта фотография датирована двумя неделями ранее. Я чувствую привкус желчи во рту, страх отступает на задний план и его место занимают обида со злостью. Это не дружеское объятие. Так женщина может держать и обнимать близкого к ней мужчину. В тот день Роман позвонил мне днём и сказал, что улетает на встречу в Санкт-Петербург, не верить ему не было смысла. Мне нужно знать, о чем статья и я начинаю читать:

«На днях нашему вниманию была представлена очаровательная пара Романа Верховского и Натальи Мишиной. Их встреча состоялась на благотворительном ужине, проводимым самим Давидом Александровичем. Глава компании «СтальИнк» был весьма приятно удивлён, когда сын явился не со своей женой Анной Валерьевной Ворошиловой. Конечно, нам он в интервью заявил, будто не знает, что с подвигло сына прийти на значимый вечер с такой ослепительной красоткой. По словам Натальи Мишиной, известной местной светской львице, а также модели мужского журнала «Максим», в скором времени они с Романом объявят официально о своих отношениях. Для нас это стало сенсацией. Ведь совсем недавно сам Роман утверждал, «он не намерен разводиться со своей женой ни при каких обстоятельствах». Напомним, вам, дорогие читатели, Анна Ворошилова является дочерью горячо любимого прокурора. В свое время, это тоже стало сенсацией для нашего журнала. Две влиятельных семьи столкнулись лбами. Но не будем уходить далеко в прошлое. Главное сейчас сама Анна. Каков будет её ответ на похождения мужа? Все мы знаем, что за прошедшие пять лет, Роман показал себя честным семьянином, любящим мужем, но так ли это на самом деле. Даже не смотря на протест отца, он женился на своей прекрасной «золушке». Но что же все-таки произошло? Может «золушка» сама скрывает от наших глаз горячую сенсацию?»

Я прекращаю читать этот бред. Ведь искала совершенно другую информацию, а наткнулась на помой. Желтая пресса выделила мою девичью фамилию так, будто уже все предрешено, напоминая мне мое место. Чувствую, как меня начинает тошнить, но даже успокаивающие упражнения меня не спасают. Я хватаюсь за рот и живот и мчусь до ближайших кустов. Меня рвет. Рвёт так, будто сейчас я оставлю здесь все свои внутренности. Лоб и тело покрылось липким потом, но каким-то образом прихожу в себя. От Романа я могла ожидать чего угодно, знаю на что он способен. Но его ложь всплыла самым отвратительным образом. Встреча с Зоей Степановной постепенно отходит на второй план. Но это не значит, что не буду переживать о сегодняшнем сеансе. Промокнув влажной салфеткой своё лицо, роюсь в рюкзаке в поисках записной книжки. Живя с семьёй Верховских и не на такие способы, пойдешь, лишь бы уберечь свою личную жизнь от Давида Александровича. По его словам, я намеренно женила на себе его сына, чтобы мой отец мог подобраться к нему, к его деньгам и компании. Он отказывается верить в то, что Роман возможно мог полюбить. Ведь растил Давид Александрович своего сына самым суровым способом, лишив материнского тепла и ласки. Он готовит своего сына на свой пост. А чтобы занять его, ты должен лишиться всех человеческих чувств. Прекрасно подобранный и обученный робот сможет справиться с любой проблемой бизнеса, даже не пренебрегая криминальными методами.

Трясущимися руками перелистываю страницы в блокноте, ищу номер телефона своей мамы. Хочу позвонить ей. Хочу услышать её голос, тихий и спокойный, чтобы, наконец, этот день прекратил быть настолько поганим, чем он может ещё быть. Вытаскиваю телефон и только собираюсь набрать заветные числа, но передумываю. Не стоит ещё и её втягивать, сейчас не самое подходящее время. Удаляю набранный номер, как будто он вовсе не существует.

Все свои мысли о тайнах семьи решаю оставить на потом. Сейчас мне хотелось знать почему Роман обманул меня. Зачем? С тяжестью на сердце, я добралась до своей машины, припаркованной неподалёку от парка, и села за руль. На сегодня мои планы закончены.

Проезжая по загруженным улицам города, начинаю понимать, что Зоя Степановна отчасти права. Мне действительно стоило отказать в замужестве Роману. Но был ли другой выход?

Тогда, я просто не понимала, что моё сердце навсегда станет принадлежать ему. А теперь, сейчас, осознание того, что я не смогу без него, терзает и душит. И все эти кошмарные сны кажутся далеко безобидными по сравнению с душевной потерей. Мне необходимо принять решение: либо я оставляю всё как есть, либо говорю Роману всё о чём думаю – правду.

Тем временем я уже подъехала к нашему дому. Дом – короткое слово из трёх букв, но сколько в нём смысла. Но был ли этот «дом» мне настоящим? Отец Романа, Давид Александрович, настоял после бракосочетания купить дом недалеко от его усадьбы. Таким образом, он чётко дал понять мне, что не намерен держать дочь «врага» вдали своих глаз. Сам Роман был не против, ну, а мне оставалось лишь кивнуть и принять факт положения – теперь я одна из членов семьи Верховских.

Решение пришло само собой: хватит жить в тени и страхе. В конечном счёте я могу потерять своё сердце, но тогда обрету долгожданную свободу. С новообретённой мыслью я въезжаю во двор, останавливая машину около кроссовера мужа и джипа, принадлежавшего его охране.

– Анна Валерьевна, – окликает меня охранник, затем подходит к автомобилю и, придерживая меня за руку, помогает выйти из него. Он выглядит озадаченным моим скорым приездом, на его лице проявляется хмурость, но он поступает благоразумно, без лишних вопросов выполняя свою работу. Скорее всего муж дома не один, иначе Фёдор не стал бы так незаметно нервничать. Он отличный работник и предан своему делу – это редкое исключение человечности среди личной охраны. Я передала ему ключи, чтобы он отогнал машину в гараж, таким образом ненадолго отвлекая от себя лишнее внимание.

– Фёдор Николаевич, не предупреждайте о моём прибытии, пожалуйста. – Это была безмолвная просьба и охранник устало кивнул в знак согласия. Он понимал, что мне и без него тут приходится нелегко.

– Хорошо. Доброго вам дня.

Фёдор сел в мой автомобиль, завёл мотор и покатил в сторону открытого гаража.

Я ещё раз оглянулась вокруг двора и заметила, что наши садовники постарались на славу за эти несколько солнечных дней. Скоро начнут цвести сады и цветы в клумбах, даря нам много живых красок и благоуханий, но я чувствую, что этот аромат лишь будет душить меня, если продолжу жить по предписаниям свёкра. От воспоминаний о нём меня снова начинает мутить, делаю несколько глубоких вдохов и выдохов, которые, наконец, успокаивают. Зоя Степановна даже не подозревает, как её дыхательная техника настраивает на нужную волну. Жаль, что с её помощью нельзя контролировать свои сны.

Вхожу в дом и не обнаруживаю никаких посторонних звуков – стоит полная тишина, значит Роман в своём кабинете. Снимаю с себя верхнюю одежду и убираю её в шифоньер, следом стягиваю обувь. Посторонних принадлежностей из одежды не наблюдаю. Наверное, Роман решил сегодня приехать домой пораньше, или заскочил проездом. Решаю, что не стану окликать его сразу с порога, незачем ему знать о моём раннем приезде. Поднимаюсь на второй этаж, и замечаю, что дверь в кабинет немного приоткрыта. Чем ближе приближаюсь к ней, тем отчётливо становятся слышны голоса. Узнаю Романа, свёкра и... своего отца. Как такое может быть, и зачем отец здесь. По своим ощущениям понимаю, что немного растерялась и все мои мысли вихрем пронеслись в голове. Что, чёрт возьми, всё это значит?

Затем тон голосов изменился на повышенный, видимо ситуация была на пределе нормальных выяснений или договорённостей.

– Давид, – мой отец почти что выплюнул имя свёкра.

– Валерий Алексеевич, – тут же вмешался Роман, сглаживая возможно нарастающую обстановку, – на вашем месте я бы не стал так категорично воспринимать эти обстоятельства.

Я продолжаю стоять на месте даже не шелохнулась, затаилась так, что воздух в лёгкие поступает сравнительно малыми дозами. Но отдаю себе отчёт в том, что мне неизвестно начало их разговора, поэтому выводы сделаю позже.

– Рома, о чём ты говоришь? – мой отец крайне недоволен моим мужем, он зол. И его злость слышна даже в самих словах. – Твой отец – преступник. Да ты на себя посмотри, так и гляди пяти минут не хватает от этой же участи. Или же я не прав? Я хочу свою дочь обратно. Хватит играть в «кошки-мышки».

Отец настолько разозлился, весь его пылкий монолог был сказан в глубоком молчании присутствующих, но я счастлива – он здесь, и, несмотря на то, что мы не разговаривали друг с другом все эти пять лет, пытается вернуть домой, в семью.

Давид Александрович сидит и не сводит своих глаз с сына, он настолько погрузился в свои мысли, что на лбу проступили глубокие морщины. Не знаю в чём состоит весь их разговор и что за игру они ведут между собой, но мне становится страшно. Я смотрю на свои руки, и они начинают дрожать, пытаюсь прогнать в себе этот недуг, но ничего не выходит, поэтому соединяю свои руки вместе и сжимаю что есть силы свои пальцы, формируя кулак. Наши отцы давно ведут «войну», и что они пытаются друг другу доказать остаётся для меня тайной. По мнению Давида Александровича, наши жизни не стоят ни гроша, но его всё-таки что-то оставливает, ведь всё то время, как отец открыл на него «охоту», свёкор не даёт отпора, но и не вредит, или вовсе не избавляется от ненужной жизни. И я уверена, что бы то ни было мой муж в центре этих событий, он знает их причину. Ведь не поэтому ли Роман пять лет назад под дулом пистолета, направленного на меня, делал предложение на глазах остальных студентов. Остаётся два варианта: либо защитить семью Ворошиловых, либо, как и его отец, применить все средства в борьбе, не оставляя за собой никаких следов.

Затем Давид Александрович встаёт со стула и направляется к двери. Ситуация покажется абсурдной, если меня застукают стоящей под дверью – ни один из них не поверит, будто я проходила мимо, поэтому выход один – я опережаю своего свёкра и на распашку открываю дверь прямо перед его носом. Все три пары глаз уставились на меня: Давид Александрович с подозрением стал всматриваться в дверной проем, а потом прищурился на меня, в глазах Романа пронеслось удивление и толика беспокойства, но лишь мой отец абсолютно холодно, без какой-либо эмоции, встретил меня. Такое поведение папы глубоко ранит, ведь какие-то секунды назад он так ярко требовал вернуть его дочь домой, а встретил с холодностью, словно мы чужие. На моем лице скорее всего ярко отобразился весь спектр чувств, тем самым дала отличный повод поглумиться надо мной свёкру.

Давид Александрович ухмыльнулся, а потом подошёл ближе и обнял за плечи, чем поразил меня ещё больше.

– Аня, дочка, скажи своему любимому папочке, что твой дом здесь. Рядом с мужем.

Затем он сдавил мои плечи ещё сильнее, давая понять, что одно неверное слово и будет так, как Давид Александрович посчитает нужным. Я устремляю взгляд на своего мужа, ища в нём хоть немного нужной мне поддержки, но, как и всегда, для него отец выше нашего брака. От безысходности поступаю так, как условно велел свёкор. Это выше моих сил идти одной против всех, но в данный момент я чувствую себя трусихой, оправдывающейся в надежде никому не навредить.

Мой отец продолжает сверлить взглядом мнимые объятия своего «врага» и дочери, мне кажется, он посчитал это предательством с моей стороны: идти на поводу у Верховского-старшего, но папа, что мне делать, дай хоть какой-нибудь знак. Помогите вырваться из этих цепких лап чудовища.

Не найдя поддержки ни в муже, ни в отце, я выкручиваюсь из рук Давида Александровича, и уношу саму себя прочь из кабинета, почти крича на ходу:

– Нет у меня дома! – затем резко останавливаюсь, но уже с одной целью – это будет обращено к моему мужу, на которого смотрю в упор, – Нигде.

Роман помрачнел, но я почувствовала, что последнее слово его задело и разозлило. Но мне всё равно, пусть знает, как бывает неприятно, когда родные люди могут полностью отго-

родиться. Даже, если в наших отношениях был какой-то подтекст, это не даёт ему права стоять смиренно и с любопытством смотреть на шоу его отца.

Давид Александрович начал смеяться на весь дом. Его змеиный смех доносился вплоть до стен нашей спальни. Влетев в свою комнату, со всей силы захлопнула дверь, но шипящий звон отголоском продолжал гудеть в ушах. Змей. Ненавижу его. Ненавижу за то, как он влияет на мужа, как заставляет плясать под его дудку всех вокруг. Ненавижу всё то, что с нами сейчас происходит. Мой муж – к нему тоже проявляется любовная ненависть за его холодность. Из-за моих чувств к нему ситуация накалилась и обострилась настолько, что иной выход неизвестно какой. Пусть мы никогда друг другу не признавались в высших отношениях, но чувствую, что где-то в глубине его души я ему не безразлична. Сколько раз я умоляла его о разводе, ведь он получил от своего отца, что хотел: разозлил старика не на шутку. И эта шутка дорого обошлась мне лично. Теперь, когда моё сердце разрывается на части, мне кажется, будто готова исчезнуть в любом конце земного шара, лишь бы совсем перестать испытывать хоть какие-либо чувства.

За закрытой дверью даю волю своим, через край переполненным, эмоциям. Они захватывают меня с такой силой, принося со слезами полное отчаяние, а потом долгожданное расслабление. Облокотившись о дверь, съезжаю по ней вниз, и смиряюсь с пониманием того, что был у меня выбор пять лет назад. Был. Просто уже тогда я полюбила своего мужа, хоть и не понимала этого. Обнимаю саму себя и устраиваюсь на полу, наревевшись, постепенно уплываю в один из своих самых страшных и мучающих меня кошмаров.

Глава 2

«– Хватит орать! – кричит Роман, затем продолжает бить мужчину. Его кровь повсюду. Как я вообще оказалась здесь? Осматриваю всю себя – на мне кровь, но она не моя. Провожу руками по лицу и на них тоже она. Меня трясёт, но это никак не связано с собственной потерей крови, потому что она принадлежит тому мужчине. Пытаюсь стереть с себя липкую жидкость, но её становится всё больше и больше. Кажется, будто начинаю в ней утопать. Нескончаемый крик звенит в ушах, превращаясь в змеиный смех свёкра. Затем появляется сам Давид Александрович. Его голова обретает форму змеиной головы, обращаясь ко мне шипящим голосом:

– Ты здесь одна... Совсем одна. – Затем, я вижу, как его раздвоенный язык то и дело двигается в разные стороны, ещё больше усиливая мой страх.

В комнате гаснет свет и Роман выходит из подвала. Избитый мужчина исчез, оставляя в темноте тихие стоны боли. Муж видит меня и протягивает руки, но наше расстояние стремительно увеличивается. Отдаляясь друг от друга, понимаю, что стою в огромном бассейне, который начинает заполняться чёрной жидкостью. Мне страшно, отчего бросает в озноб, но я продолжаю стоять здесь. Смотрю на свои руки – они связаны, ноги тоже. Хватаюсь за верёвку на ногах и пытаюсь её развязать, дёргаю из последних сил, но ничего не выходит. Резкий запах бензина вперемешку с мазутом заседает в ноздрях, чёрная жидкость – нефть. Поднимаю голову выше в поисках спасения, но все боковые части бассейна пусты, нет ни лестниц, ни ступеней. Затем встречаюсь взглядом с отцом, рядом с ним по обе стороны стоят Роман и Давид Александрович. Все трое смеются и указывают на меня пальцем. В этот момент чувствую себя зверем в зоопарке, на которого целыми днями пялятся прохожие. Пытаюсь закричать, но во рту тряпка. От паники начинаю задыхаться. Непонятным мычанием прошу о помощи, но тщетно. Чёрная «кровь» покрывает меня всю, бьюсь из последних сил, а затем полностью утопаю в ней.

Затем резко оказываюсь в том подвале, где Роман снова продолжает пытку. Он хватается за нож и вонзает его в грудь мужчине. Не выношу столько насилия со стороны мужа, ужас полностью сковал тело и меня начинает трясти...».

– Аня, проснись, – просит Роман, качая меня в своих руках, словно маленького малыша, а я прижимаюсь к его груди, вдыхая его запах. Он пахнет цитрусом и собой. В порыве своих эмоций ищу его губы и впииваюсь в так нужном мне поцелуе. Мне необходимо стереть этот чёртов сон. Каждый раз он становится мрачнее и принимает самые непредсказуемые образы.

Роман нежно обхватывает меня за шею и отвечает на мою безмолвную потребность. Его язык завладевает моим ртом, исследуя, проникая глубже. Это напоминает чем-то соревнование, где нет победителя и проигравшего. Есть лишь он и я. Тяну его за волосы, они немного отросли, поэтому с лёгкостью беру их в охапку и продолжаю с силой оттягивать. Мне хочется сделать ему больно, чтобы почувствовал все мои душевные терзания.

В порыве своих вспыхнувших чувств, замечаю, что мы оба сидим на кровати, должно быть муж нашёл меня у двери, когда заснула от переизбытка негативных эмоций. Роман встал передо мной на колени, и, не разрывая нашего поцелуя, начал расстёгивать пуговицы на моей блузке, но эти пуговицы были настолько мелкими, что его терпения хватило на первые две. Схватив полы рубашки, рванул в обе стороны и весь декор со звоном разлетелся в разные стороны. Тем временем я продолжала свой натиск на его волосы, тянула их и царапала голову. Кажется, Роман был не против такого физического насилия с моей стороны, его это заводило ещё больше.

Разорвав наш поцелуй, он притянул меня к себе, что дало нам обоим время отдышаться. Мы соприкоснулись лбами, удерживая таким образом друг друга и балансируя на грани кислородного голодания.

– Я хочу тебя, – прохрипел он, вбирая в лёгкие больше воздуха.

Я закрыла глаза, отдаваясь своим чувствам и потребности в нём. Мне хочется почувствовать себя нужной ему. Смыть и стереть из памяти всплывающие образы его жестокости, забыть тот насмешливый взгляд, причиняющий боль. Это просто сон. Очередной кошмар, над которым у меня нет власти.

Начинаю стягивать с него футболку, дав понять, что тоже хочу его. Мы продолжаем исследовать наши тела, снимая все преграды, мешающие добраться до заветных мест. Провожу руками по его мощным, тугим мышцам рук и груди, восхищаясь силой своего мужа. Этот мужчина навсегда останется для меня загадкой, из двадцатипятилетнего парня тогда, он превратился в сильного мужчину сейчас. Моя потребность в нём возрастает с большей силой, чем прежде. И с той обрётённой мною любовью к нему, осознаю, что сейчас хочу его по-настоящему. Я желаю своего любимого мужчину.

Почувствовав смену моего настроения, Роман усиливает свою хватку на моей талии, затем опускает вниз на кровать, придавливая собой и устраиваясь между моих ног. Всё, что сейчас на мне – это хлопковые простые трусики. Касаясь меня своим членом у моего входа, начинает дразнить и пытаться. Мои груди тоже подвергаются пытке его опытными руками, целуя и кусая вершинку одной из них, другой достаётся чувственный массаж. И так чередуя натиск. Ощущаю, как внутри меня возрастает тёплая волна, начинаю извиваться под ним, но Роман ещё больше отдаётся страсти, прижимаясь ко мне с большим усилием. Его тепло всюду, и мной овладевают самые сильные эмоции. Весь накопившийся стресс вырвался в самом мощном оргазме.

– Да... дай мне себя настоящую, – прорычал он.

С этими словами и треском тонкой ткани между ног, я наконец ощущаю в себе всю его длину. Он ворвался одним толчком, без каких-либо остановок. Захватил то, что его по праву.

– Я скучал по тебе, – говорит мне между поцелуями. Эти заветные слова, словно бальзам для души, которые я так давно хотела услышать. Но не отвечаю ничего в ответ, лишь раскрываю глаза и всматриваюсь в его. От возбуждения глаза Романа стали ещё чернее, медово-коричневый оттенок наполнился глубиной, и постепенно я начинаю в ней утонуть.

– Сегодня ты сделала мне больно, – продолжает он. Я пытаюсь ухватиться за мысль, за смысл его слов, но всё становится таким размытым, потому что он отдался страсти с такой силой, будто пытается донести до меня что-то, рассказать о чём-то, а я этого не понимаю.

– Рома, – выкрикиваю имя мужа, и впиваюсь ногтями в его спину, затем провожу сверху вниз вдоль упругих мышц.

– Чёрт возьми, Аня... – рычит и продолжает усиливать темп по нарастающей. Оргазм накрывает нас обоих, кончая друг за другом, Рома изливается внутри меня, оставляя во мне часть своей души. Всё ещё обнимая его руками и ногами, чувствую его пульсацию в себе, это не забываемые ощущения, знать, что мужчина не способен контролировать себя в самых сокровенных местах. Мы оба тяжело дышим, но этот момент срасти настоящий, и я не хочу, чтобы он заканчивался, словно раньше наши души были заперты друг от друга, а сейчас, будто наконец поняли, что принадлежат друг другу. Это наш маленький мир, где нет преград нашим чувствам. Но момент быстротечен, и, выйдя из меня, Рома ненамеренно его ускорил. Чувствую себя снова опустошённой, покинутой.

На ватных ногах мы оба идём в ванную, занимая свои места под душем. Это не первый раз, когда мы вместе принимали душ, но этот раз ощущается совершенно иначе.

– Ты сегодня молчалива, – заметил Роман, намыливая свою голову шампунем. От стекающего шампуня по лицу, он закрыл глаза, пена нашла путь к шее, груди и спине, открывая для меня вид глубоких царапин. Они бордовые и воспалённые, местами из ранок проступает кровь. В ужасе охаю и закрываю рот рукой, заглушая чуть ли не вырвавшийся крик. Я даже не заметила, как исцарапала его всего. На меня это не похоже, но я так стремилась дать ему прочувствовать весь спектр моего страха и ужаса от сна и кошмара. Роман смыл пену с глаз

и посмотрел на меня, прослеживая, куда я так уставилась, затем, ухмыльнувшись, взял губку и протёр тело, смывая кровь.

– Рома, прости, я... -но никаких слов не добавить к тому, что я вижу перед собой, и тем, что я чувствую. Он обнимает меня и почти что шепчет, убаюкивая в крепких объятиях:

– Успокойся, Ань. Это всего лишь царапины, я просил тебя настоящую и получил желаемое. Не знаю, что в тебе щёлкнуло, но сегодня было особенным.

Его голос такой тихий и умиротворяющий, и я поддалась своим чувствам, обняла в ответ, целуя в грудь – прямо напротив сердца. Это сделано непроизвольно, но так я выразила свою любовь к нему. Роман поразился таким действием с моей стороны, но лишь ещё сильнее притянул к себе, ведь прежде весь наш сексуальный контакт заканчивался обоюдным пожеланием дежурного «доброй ночи». И каждый находил тысячу причин не смотреть друг другу в глаза. Но сегодня... всё изменилось, и это пугает нас обоих.

– Знаю, – еле слышно, говорит он.

И наш мир снова окружил нас вкруг, создавая иллюзию безупречной любви, стирая всё прошлое.

После душа мы снова легли в постель; глубоко внутри меня засело его тихое слово «знаю». Что имел в виду Роман, сказав это – не понимаю, но я почему-то абсолютно спокойна.

– Не хочешь поделиться, что тебе снилось? – его вопрос прозвучал не назойливо, нарушая тишину в тёмной комнате. Обернувшись к нему лицом, стала всматриваться ему в глаза: он был расслабленным, спокойным, и эта его вечная уверенность в победе, побудила вспомнить ту глупую статью жёлтой прессы. Навернувшиеся слёзы на глазах так и просятся на свободу, но я игнорирую их, прочищаю горло и беру себя в руки. Не хочу, чтобы муж видел во мне моих собственных демонов.

– Нет, – отрицательно мотаю головой, – это просто кошмар.

Роман прищурился, но не стал допрашивать, лишь согласно кивнул, будто прочёл мою последнюю мысль. Снова повернувшись к нему спиной, думаю, что бы он хотел услышать от меня, ведь никакие признания не помогут мне выбросить из головы всплывающий образ его самого с этой Наташей. Через минуту, не более, он обнял и притянул меня к себе, и, ощутив его тепло, мне стало настолько физически комфортно в его объятиях, но мысли продолжали держать эмоциональную дистанцию. Я почувствовала тёплое дыхание возле шеи, Роман нежно прикоснулся губами, оставляя целомудренный поцелуй.

– Я видела статью, – выпаливаю мгновенно и замираю. Он остановился лишь на секунду, затем заставил обернуться к нему лицом.

– Тебя это расстраивает? – тихо спрашивает.

Я выпучиваю глаза и только собираюсь на него наорать, как вдруг он целует меня, а потом включает ночник, стоящий позади меня. Как хорошо, что он не увидел весь спектр моего недовольства.

– Эта дама была приглашена отцом, – начал рассказывать он. – Ань, ты ведь знаешь его не хуже меня. Просто пытался сыграть со мной, в очередной раз. Шутка не удалась, а я, как всегда поглумился над ним, просто подыграл. Вот и весь расклад. Мне нечего от тебя скрывать, неужели я хоть раз дал тебе повод? – Роман внимательно следит за моей реакцией, ждёт, будто я наброшусь с расспросами, чего никогда не делала.

– Нет, не давал, – отвечаю просто, – но видеть это было неприятно.

Муж хохотнул, чем разозлил меня, но я оставила своё негодование в себе.

– Я бы тоже разозлился, и, наверное, этот некто уже был бы закопан глубоко под землёй, – пошутил Роман, но в словах мной был услышан подтекст. И теперь, как дальше реагировать на его намёки, если Давид Александрович задумал такой трюк – это определённо не просто так, и следующий раз может оказаться фатальным.

Жизнь становится настолько не предсказуемой, что отличить кто друг, а кто враг бывает ещё сложнее. Отношения Романа с его отцом до сих пор остаются загадочными – вижу их обоюдное напряжение между друг другом, но тем не менее, сын в курсе всей финансовой ветви компании, что определённо начинает подбешивать отца.

Моя же семья фактически отказалась от меня, да и их понять можно. Мама всячески уговаривала отказаться от предложения в замужестве, но тогда это был не только вызов Романа, но и мой тоже. Как же мне надоело, что отец буквально расписал всю мою жизнь по годам. Решал всё за меня: устраивал в школы, в лицеи, затем в ход пошли университеты, но здесь своё право я отстаивала. Подала документы в абсолютно другой факультет, хотя уже тогда знала – отец наверняка договорился с деканом, что его дочь – будущий юрист, непременно принесёт пользу обществу, в частности ему самому, ведь тогда я опять окажусь под его крылом. Мой отказ стал первым шагом на путь к бунту. Мама, как и всегда, умыла руки, предоставив отцу карт-бланш. И, казалось бы, вот всё улеглось, отец принял обратный факт, а затем появился Роман со своим восточным другом Самиром. Эта парочка буквально сводила с ума всех девчонок в университете, но, что было на уме у Романа, когда стал ухаживать за мной, не понятно, и это незнание меня до сих пор мучает. Вся суть душит и не даёт покоя. Это любовь или наш вызов остальным?

Вырываюсь из своих мыслей, медленно провожу ладонью по лицу мужа и спрашиваю:

– Мне интересно, как часто ты воображаешь картинку мести?

Он улыбнулся, а потом сосредоточил внимание на мне, обдумывая ответ.

– Я не шутил, что будут мрачные последствия. – Затем Роман придвинулся ближе и поцеловал в кончик носа, тем самым смягчая свои слова. – Давай спать. Мне скоро вставать.

– Рома, а что здесь делал мой отец? – Задаю ему вопрос, мучающий меня с момента встречи. Чувствую, как муж напрягся, его дыхание постепенно учащается, будто борется с самим собой и возникшей злостью. Для меня его злость не ясна. Как надоело быть прозрачным листом – украшением для мужчины, словно вещь. Вокруг происходит столько событий, но они исключительно проносятся мимо меня.

– Ничего, – резко отвечает. – Забудь. Просто выброси из головы эту встречу и то, что могла слышать. Нас это не должно касаться.

Рома прижимает меня ещё крепче к себе, словно боится потерять, или я растворюсь от его слов. Объятия настолько сильные, что начинаю паниковать, – сон ворвался, и будто опять начинаю захлёбываться.

– Мне больно, – жалуясь ему.

– Сегодня ты мне тоже сделала больно.

Волнуюсь за его царапины, поэтому снова прошу прощения за них, но Рома отрицательно мотает головой.

– Спи, – почти приказывает. – Ань, просто забудь, ладно?

Согласно киваю и закрываю глаза, иначе заплачу, легко говорить «забудь», но как это сделать. Есть ли в мире такие способы, о которых я ещё не знаю; возможно, существуют такие переключатели эмоций: ты щёлкаешь тумблером и всё вокруг становится «розовым». На моих глазах происходят непонятные вещи, а я что-то упускаю, или кто-то намеренно держит меня в неведении. Вся история кружится вокруг да около наших семей, и скорее больше затрагивает отрезки жизней наших отцов. Давид Александрович крайне лояльно относится к нападкам отца, словно готовит самую неторопливую пытку, которой обязательно воспользуется в нужное время.

Медленно засыпая, снова прокручиваю прошедший день. Пусть Роман скрытен, как и всегда, но я добьюсь правды, – неважно каким путём и чем придётся пожертвовать. Жить в неведении, всё равно, что быть пустым листом в блокноте. Мой юный вызов отцу в сравнении с нынешней ситуацией выглядит детским проказничеством.

Следующим утром я не застала Романа в постели, как обычно он встаёт раньше меня и незаметно исчезает из комнаты. Его ранние тренировки – первый пункт начала дня. Неудивительно, что мальчишеское тело приобрело мужественную сталь мышц и силы. На работе дела шли своим чередом: в центре было много посетителей, в основном приходили мамы с детками, но разбавила и парочка супружеских. Было одно удовольствие наблюдать за детками, как они носились по игровой комнате, пока мамочки ожидали вызов доктора. У нас с Романом была лишь одна условность, что после свадьбы мы не побежим «делать» детей, и тогда это казалось для меня таким приятным и осознанным решением с обеих сторон. А сейчас, глядя на эти маленькие создания, представляю, будто по комнате носится мой сын или дочь, в точности копия мужа; возможно, с появлением наших деток, обе семьи, наконец, перестанут бунтовать. Но это лишь мысли из параллельной вселенной, и, по крайней мере, мы оба не готовы к родительству – не в данных обстоятельствах.

Мысли подобны вихру, перемещались от событий с отцом до нашей «особенной» ночи, как вдруг слышу вибрацию телефона, оповещающего о входящем смс. Беру его в руки, и на моём лице тут же расплывается улыбка – сообщение от Самира, от нашего восточного друга.

«Uawmun sa `id (уёмун сайид – добрый день), aziza (азиза – дорогая) - Анна. Где пропадает Роман? Слышал о вчерашней встрече. Как ты?»

Перечитываю сообщение ещё раз, меня пугает два обстоятельства: во-первых, Роман никогда не игнорирует своего восточного друга, во-вторых, кто посмел доложить ему о встрече с отцом, и как вообще об этом прознали. Немедленно набираю номер мужа, хотя до вчерашнего времени мне было практически неинтересно, где он и что с ним происходит, но сам Самир не смог с ним связаться, что для мастера телекоммуникационных сетей это априори не является проблемой.

Слышу в телефонной трубке механический голос девушки: «абонент временно недоступен...», не дослушав до конца, сбрасываю вызов. Мысли начинают принимать негативный оборот, и от них мутит с удвоенной силой. Втягиваю больше воздуха в лёгкие, чтобы успокоить нарастающую панику, но это не срабатывает, срываюсь с места и несусь в уборную комнату. Спасибо, Господи, что у меня свой собственный кабинет. Кое-как совладав с панической атакой, судорожно ищу решение как поступить с отсутствием ответа от мужа. Рабочий день ещё не закончен и у меня нет возможности покинуть кабинет прямо сейчас. Все посетители, записанные на вчера, принимаются сегодня. Работа – моё единственное убежище, которое сама лично для себя создала, поэтому не следует к ней относиться пренебрежительно.

Решение пришло само собой, звоню Самире. Будущий эмир своей страны оттягивает время восхождения на престол, его отец уже давно покинул трон, и было шоком для всей семьи, что сын отдал временное право своему кузену Саиду, скользкий тип этот кузен, однако. Восточный друг настолько увлёкся своей профессией и, полагаю, в его планах изучить её до мельчайших крупниц, что не пренебрёг своим братцем.

Пошли гудки. Всё ещё нахожусь в уборной, эмоциональное сотрясение постепенно приходит в норму, но не решаюсь пока покидать комнату, проведу пару минут разговора здесь.

– Самир?

– Азиза-Анна, рад тебя слышать. Как ты? – обеспокоенно спрашивает он.

Хмурюсь ещё сильнее, меня удивляет, что Самир обладает какой-либо информацией, но и в то же время не пугаюсь этой особенности, не с ним.

– Я звонила ему. Не отвечает. – Слышу, как Самир ругается на своём арабском. Со стороны это выглядит немного смешно, поэтому невольно хихикнула в трубку, затем резко зажала рот. Друг мгновенно затих. – Самир? Ты тут, алло?

Тишина. Я даже проверила, не оборвался ли звонок. – Самир?

– Асиф (извини), – наконец отвечает. Тон его голоса из игривого когда-то, резко изменился в серьёзный, с ноткой опасности и беспокойства. – Азиза-Анна, положение не из при-

ятных. Всё стало выходить из-под контроля. Компания Давида Александровича совсем скоро перейдёт в управление к Роману, такого его завешание. Но, с некоторых пор, господин Верховский-старший этого не желает. – Самир продолжал тараторить так быстро и нервно, что его акцент стал слышен сильнее и слова начали сливаться.

– О чём ты говоришь? Самир, успокойся, прошу тебя и объясни толком.

– Азиза-Анна, всего сказать не могу. Ищи мужа, и что есть силы выпытывай правду. 'Ana āsif (ана асиф – мне очень жаль), но тебе она не понравится.

Чем же так наши семьи разразили небеса, что теперь именно сейчас всё всплывает из глубины океана, будто старые верёвки прогнили и воздушный шар прорывается на свободу.

– Хорошо, – соглашаюсь с другом, – лишь ответь вот на что: здесь наши отцы замешаны?

Самир со свистом вобрал воздух, но потом уныло ответил: – Не только ваши, но и мой.

Глава 3

Пятью годами ранее.

Роман.

Кто бы мог подумать, что, если хочешь сохранить семейную тайну, пойдёшь на что угодно, лишь бы она осталась безмолвной. Обстоятельства всплывают таким образом, что затрагивают не только репутацию нашей семьи и компании «СтальИнк», но и семьи, чьи жизни стоят на кону. А главное, знает ли его дочь, в какую игру сыграли наши отцы. Именно потому я решился на безумный поступок. Знаю, что заведомо пойду против воли отца – против всех, ведь они даже не подозревают в какую мясорубку втянули своих детей. Необходимо приблизиться к девушке, затем выведать у неё всё остальное.

Я находился в таком тупике, грозившимся поглотить целиком, без остатка. Всего пару дней назад получил от отца очень важное задание, это было моим особенным событием в жизни и карьере, наконец, отец впускает в свои сети, в которых когда-то буду руководить я. Но само задание звучало смешно: отвезти документы в главный сейф компании, фактически заархивировать накладные и прочую бухгалтерию. Документы исключительно финансовой отчётности – всё бело и прозрачно, я проверял. Путь отца на пике масштабной популярности: его знают везде, от верхних слоёв общества – элиты, до самых мелких трущоб – простолюдины. Его собственные определения человечеству, которые, кстати я должен по его приказу заучить и зарубить на носу, как аксиомы. Выучившись в школе международного и экономического бизнеса и зная всю структуру финансового потока и контроля, некоторые документы всё же доверялись мне, как новичку. Проверая тогда один из таких, я наткнулся на скрытый платёж, сумма была минимальной, в отличие от тех, которые ходят по документации. Но примечательным стало отсутствие данных отправителя и получателя. Я бы не стал заострять на этом внимания, если бы данная транзакция не появлялась стабильно раз в месяц. Порывшись в финансовой картотеке, нахожу подтверждение этим операциям, которые на протяжении двадцати лет идут с общего счёта компании. Захожу в электронную базу, хочу отследить весь путь хождения денег, но система тут же блокирует мои запросы, ссылаясь на код доступа. Его у меня, естественно, нет. Повторяю ещё несколько раз этот путь, но система не поддаётся.

Исключительный век технологий – защита информации превыше всего. Но я не собираюсь сдаваться, мне необходимо знать, что здесь скрыто. Это словно ящик Пандоры, открыв который, прежним уже не будешь.

В кабинете, где я сижу, всюду расставлены камеры, поэтому звонки прослушиваются, но не смс. Я пишу своему другу – компьютерному гению, знающего эти машины, как самого себя. «Нужна помощь. Дело конфиденциальное». Несколько минут дались нелегко, будто сидел на иголках, но ответ не заставил себя ждать: «Где? Куда? Во сколько?» Чётко и без лишних вопросов – в этом весь мой восточный друг Самир.

Встретив Самира у входа в компанию, вкратце объяснил к чему такая спешка. Он согласился помочь мне получить доступ к этим базам данных. На посту охраны никто на нас даже внимания не обратил, чему я был крайне недоволен. Охрана на то и нанимается, чтобы контролировать каждого сотрудника и гостей, а здесь получается, если идёт сын главы с каким-то незнакомцем, значит всё нормально. Определённо займусь этим вопросом, как только получу официальную должность полноправного финансового директора. Но в то же время, несказанно рад, что удалось проскочить в архив без посторонних глаз.

– Так, Рома, показывай базу. А я пока достану свои «мозги», – попросил Самир, и начал вынимать из рюкзака свои технические приборы для определения кодов доступа – это его так называемые «мозги», с которыми он не расстанется ни на шаг. Его программа уникальна в своём роде, он сам её составлял и самое главное, – она не оставляет после себя никаких следов.

Определённый набор символов запускает вирус самоочистения, благодаря которому никто не заподозрит ни меня, никого либо другого – будто и вовсе ничего не происходило. Времени у нас предостаточно. На всякий случай я предупредил секретаря отца, что задержусь на работе, и чтобы меня никто не беспокоил. Молодая девушка, довольно неопытная сотрудница, и поэтому не задавала лишних вопросов, лишь кивнула головой в знак согласия.

– Так, я готов, – объявил друг. Самир подсоединил к серверу своего монстра и тот, издав короткий писк, приступил к опасной миссии. Мы оба сидели в ожидании, кажется даже затаили дыхания, но никто из нас не проронил ни слова до того момента, как на экране загорелся знак «вы вошли в центральную систему финансовой отчётности». Мы победно хлопнули в ладоши друг другу, ещё никогда мне так не было волнительно. Мои противоправные действия определённо вылезут боком, но как говорится «кто не рискует – тот не у руля». Пробегаюсь по всем предоставленным отчётам, понимаю, что нет того, что ищу. Значит рыть нужно глубже. Говорю Самиру, чтобы попробовал найти скрытые файлы, ибо кто-то на славу постарался их сделать невидимыми. Для Самира это было подобно красной тряпке для быка на родео. В его компьютерном мире это звучит, как вызов с неизвестными данными. Я так рад, что мой друг предан своему делу. Спустя пару часов непрерывной работы, наконец, объявляет, что нашёл целую кучу скрытых платежей. И теперь, пока друг может перевести дух, на пост вступаю я, и буквально с первых отчётов чуть ли не падаю со стула. Это удар под дых. Прямой выстрел в голову.

– Самир, – зову друга, он тут же подскочил к столу. Не нужно знать весь финансовый потолок, достаточно взглянуть на «отправитель-получатель» и на «конечную цель». Мы оба уставились друг на друга, и у каждого из нас пронеслись тысячи мыслей, шестерёнки заработали сверхурочно.

– Что будем делать? – спрашивает друг. Вся ситуация напоминает мне сейчас боевик, только происходят действия в реальной жизни – с нашими конкретно.

Отрицательно мотаю головой и говорю, что не знаю. Мы снова уставились на монитор, который в темноте оставлял своё мерцание, приманивая нас своим свечением.

– Ты можешь скопировать эти файлы? – спрашиваю у друга.

– О, Аллах, почему я слышу сомнения? – недовольно фыркает, но за дело берётся быстрее, чем отвечает мне.

Пару минут и у нас в руках флешка, на которой содержится информация, способная сломать наши жизни. Самир настолько помрачнел из-за всплывшей истории, кажется до сих пор не мог в это поверить. Будто мы правда попали в параллельную реальность.

– Та девушка в университете, я не думаю, что она об этом знает, – немного погодя Самир рассуждает в слух и делится со мной своими догадками.

– Кто её знает, – отвечаю ему, хотя сам тоже начал раздумывать над этим вопросом. С этой секунды наши жизни в наших руках, теперь у нас нет права на ошибку.

– Я нашёл ещё несколько скрытых документов, – начал Самир, но на мой телефон приходит оповещение, что отец ждёт меня через 15 минут в своём кабинете.

– Самир, кидай всё это на флешку, разберёмся чуть позже. Тебе надо остаться незамеченным и постараться выйти из здания без происшествий, – тараторю план действия. Сейчас не следует делать поспешных выводов, нам нужно ознакомиться с остальными файлами, и уже тогда решим, что к чему.

– Я вырубил камеры слежения здесь, заменил запись на несколько часов, которые ты проводил здесь один, поэтому заметить никто не должен.

Киваю головой, а сам продолжаю лихорадочно соображать, как вести себя перед главой компании. Самир похлопал меня по плечу и пожелал мне удачи. Уже на выходе я проговорил ему:

– Опасный ты человек, друг мой, – бью указательным пальцем в свой висок, дав понять, что восхищён его умом.

Самир ухмыльнулся, но в долгу не остался:

– В своей компании опасно держать такого пытливого финансиста. Определённо возьму на заметку, – подмигнул мне и вышел из архива.

Собрав все документы, которые привёз ещё утром, убрал их в папку. Мысли ходуном ходили, не давая мне сосредоточиться на встречу с отцом. Как теперь я буду смотреть ему в глаза, зная при этом, что он фактически преступник. Мне очень жаль своего друга, что ненароком втянул во весь омут. Но это факт, который остался неизбежным. Рано или поздно всё всплыло бы, не так, значит иначе. Возможно, судьба шлёт нам определённые знаки, или же испытания, пройти которые мы просто обязаны. Быть может это шанс на искупление? Не могу решить, что именно должны мы изменить.

Я всё чаще думаю о той девушке – Анне Ворошиловой. Когда впервые увидел в коридоре перед аудиторией, почувствовал какую-то дрожь в теле, будто все мои фибры души настроились на её волну. И возможно, я использую эти новые чувства, но не в самом приятном свете. Когда Самир предположил, что ей неизвестно всё это, уже тогда решил для себя: я должен её добиться. Мне необходимо держать её при себе, знать, что наша семья, да и её тоже, не пострадают. А пока, всё ещё думаю, каким образом развернуть этот план.

В моём кармане брюк снова прозвенел сигнал оповещения, кажется совсем забылся. Хватаю рюкзак с папкой и мигом мчусь в кабинет отца. Сейчас я в подвальном помещении, словно простолоудин, возвышающийся к элите по лифту.

– Где тебя носит? – чуть ли не орёт отец, стоит мне появиться в дверном проёме его кабинета. Вечно хмурый и недовольный, его империя создавалась по крупницам, но выстроилась в значительно короткий период, став одной из главных на международном рынке. Я постоянно задавал ему вопрос, как это ему удалось повернуть. Но он лишь отмахивался от меня, как от назойливой мухи. Лишь однажды, по пьяни в честь моего окончания лица, сболтнул, что некогда был членом могущественного русско-итальянского синдиката. Тогда я просто посмеялся с его бурных баек, а теперь задумываюсь, может это правда?

Смотрю ему в глаза, а у самого перед собой стоит картинка этих платежей: отправитель-получатель и конечная цель, но тут же стряхиваю с себя эти мысли.

– Прости. Эти документы вносил в базу, – поднимаю папку вверх, показывая, что действительно заработался. Отец оглядел меня с головы до ног, затем подошёл ближе и похлопал по моему плечу. Если быть честным, в этот момент я струхнул, показалось, будто он выискивал в моём взгляде правдивый ответ, но так и не получив его, смирился с проигрышем.

– Справился с заданием, сынок? – задаёт вопрос, тон его голоса смягчился, значит буря миновала. Я почувствовал, как груз напряжения спал с моих плеч, словно тонну кирпичей сбросил с себя. И именно так я ощущаю этот груз в виде скрытых документов. Я прошёл вслед за ним и устроился напротив в одном из кресел.

– Да, отец, всё как обычно. Что просил, то выполнил. Проблем не возникло.

Отец согласно кивает и просит передать папку. Он быстро просканировал содержимое и вытащил именно тот файл, содержащий скрытый платёж, затем убрал в другую папку.

– Что-то не так? – намерено спрашиваю у него.

– Нет. Всё в порядке. По недосмотру. Это не твоя сфера деятельности.

Он внимательно проследил за моей реакцией, но я продолжал смотреть ему в глаза – один промах, и он всё поймёт.

– Итак, какие планы на сегодня? – интересуется, когда как в жизни этого не делал, стало быть, опять проверяет.

Роюсь в своей голове, что планировал на оставшийся вечер, и говорю первое пришедшее в голову.

– Хочу девушку в кафе сводить.

На лице отца расплывается улыбка Чеширского кота, думаю, вспоминает свои былые годы.

– Это хорошо, – немного погодя отвечает, как будто забыл о моём присутствии, затем резко командует: – Можешь идти. Развлекайся за нас двоих.

Наконец, покинув здание, я вздохнул полной грудью. Что я там наплёл отцу, что девушку в кафе поведу, стало быть, именно с этого и начну.

Наше время.

Анна.

Весь день прошёл, как на иголках, а телефон Романа до сих пор молчит. Звонить своему свёкру не решаюсь. Эти непонятные чувства охватили меня ещё тогда, на приёме у психотерапевта. Наша с ней встреча в некотором роде встряхнула меня. И всё-таки, моё сердце не на месте. Звонок Самиру вовсе выбил из колеи. Ох, уж эти арабские друзья... Нагнал страху и загадочности, а затем пустил всё течь рекой. Судорожно ищу ответы на все произошедшие события, но главная мысль постоянно ускользает, будто скользкая водоросль в огромном океане, сражающаяся с водным течением. Надеюсь, отдел безопасности прояснит некоторые моменты, ведь наверняка в курсе планов мужа на сегодня. И этот факт, словно вонзается мне кинжалом в спину: охрана – знает, но не жена.

– Алло, Фёдор Николаевич? – набрала начальника службы безопасности.

– Слушаю, Анна Валерьевна.

По ту сторону телефона все смолкли, стоило Фёдору произнести моё имя. Их бурное обсуждение прекратилось моментально.

– Сегодня я не могу никак дозвониться до Романа. Есть идеи, почему? – Специально задаю такой, ни к чему не обязывающий вопрос. Для меня важно, чтобы о моих проснувшихся чувствах к мужу, знали как можно меньше людей.

Охранник секунду молчал, прежде чем ответить, но по всей видимости это ему далось нелегко.

– Роман Давидович улетел из страны сегодня утром.

– Ну, это не новость, – облегчённо вздыхаю и успокаиваюсь. Ведь и раньше он улетал за границу. Не понимаю, в чем суть поднятой шумихи.

– Анна Валерьевна, тут дело такое, – Фёдор прокашлялся, а затем продолжил: – Самолёт исчез с радаров авиакомпании. Ещё утром. До сих пор нет никакой информации и ориентира, где может быть ваш муж.

Мои руки задрожали, в один миг дрожь захватила все тело. Хватаю ртом воздух, но это бесполезно, какие-то мутные образы заполняют мой разум. Крепко сжимаю баранку руля и направляю машину на ближайшую стоянку. Боюсь, в таком состоянии могу неадекватно реагировать на дороге в пути.

– Давид Александрович знает? – глухо, почти с трудом, задаю вопрос.

– Да.

– Хорошо, – прошептала я и отключила мобильник. Он выпадает из моих рук, а я даже не пытаюсь его поймать на лету, руки трясёт так, что дрожь невозможно остановить, если попытаюсь зажать между ног. На глаза наворачиваются слёзы, пытаюсь их сморгнуть, но предатели решили иначе. Так, главное сейчас не паниковать и ждать какой-либо информации. Нутром чувствую, что с Романом все хорошо, и без свёкра дело не обошлось. Приехав домой, первым делом мчусь в кабинет Романа, нужно найти хоть что ни будь, указывающее на его исчезновение. И всё же надеюсь на неисправность навигационной системы самолёта, и по прибытию бортмеханики незамедлительно исправят датчики. Быстро пробегаюсь по бумагам, но ничего не нахожу, затем моё внимание привлекает звук входящего сообщения на ноутбуке мужа. И это сообщение адресовано лично мне. Скорее щёлкаю мышкой по нему, эти миллисекунды нер-

вируют до чёртиков, но, наконец, сообщение открывается, и, если бы не стул, стоящий позади меня, так бы рухнула на пол.

«Милая, прости, что никогда не произносил в слух таких слов раньше. Всё, что сейчас происходит с нами – началось задолго до нашего рождения с тобой, но ирония в том, что мы теперь за всё отвечаем. В моём сейфе лежит чёрная папка, в ней ты найдёшь все ответы.

Знаю, наш арабский друг уже напутствовал тебе, поскорее вытрясти всё из меня, но, как обычно, я его опередил и здесь.

Пожалуйста, не беспокойся обо мне. Некоторые дела серьёзно вышли из-под контроля, и решить их нужно, как можно быстрее.

Я хочу, чтобы ты, читая и просматривая ту папку, помнила: ещё тогда, пять лет назад в кафе я влюбился в тебя, как мальчишка, но не смог признаться тебе в этом».

Не успеваю осмыслить прочитанное мной сообщение, как тут же оно исчезает с экрана компьютера. Ясно одно: за мной следят через веб камеру ноутбука. Кто-то тщательно оберегает информацию, может быть даже сам Роман.

Роман узнал о входящей смс-ке от Самира, стало быть, мой телефон тоже мониторится. Тут же бью себя ладонью по лбу и ругаю на чём свет стоит. Слава богу, тогда в парке, я не стала звонить маме, но главная проблема теперь в том, что была на приёме у Зои Степановны. Собираюсь со всеми силами и не поддаюсь нарастающей панике, ведь из-за моей оплошности может пострадать невинный человек. Лихорадочно соображаю, что мне сейчас делать. Папка. Роман говорил о своём сейфе. Подскакиваю со стула и мчусь в противоположную сторону кабинета, за стеллажом с книгами спрятан тот самый сейф, хорошо замаскированный под несколько из них. Щёлкаю по книге с латинской надписью «SCIENTIA NIHIL EST QUAM VERITATIS IMAGO (Знание есть отражение истины)». Никогда раньше не проявляла интерес к личным вещам мужа, тем более к сейфу, но, как сказал однажды сам Роман – это вынужденная мера.

Набираю на панели код и дверца открывается, скорее хвастаюсь за неё и распахиваю, но всё что вижу – пустое пространство. В сейфе ничего нет.

Я недоумеваю от такого исхода событий: это шутка или мне снится очередной кошмар? Я даже ущипнула себя, чтобы убедиться в реальности. Закрываю сейф обратно, что-то бормоча себе под нос, но потом меня будто током пробивает, ведь Роман говорил о личном сейфе. Но о нём я ничего не знаю. Все его личные вещи висят с моими в нашей общей гардеробной. Срываюсь с места, как спринтер, и мчусь в нашу спальню. По пути к ней сталкиваюсь с домуправляющей Елизаветой, она так настороженно меня оглядела с ног до головы. Ведь действительно, видок у меня не совсем адекватный, ошалевший, как будто энергетиков напилась.

– Всё в порядке, Анна Валерьевна? – спрашивает у меня, и продолжает всё также всматриваться с подозрением.

– Да, конечно, – тут же отвечаю ей. – Не волнуйтесь. И можно вас попросить, чтобы меня не беспокоили, пока буду у себя в спальне. – Отхожу на несколько шагов от неё и вдогонку произношу: – Разве что, если будут известия от мужа.

Елизавета понимающе кивнула, а я помчалась дальше в путь к своей цели. Захожу в комнату и запираю дверь на замок, так я чувствую себя в безопасности и спокойствии. В гардеробной, в первую очередь, спешу проверить полки с обувью, но ничего там не нахожу. Следом идут вещи и стена за ними – тоже пусто. Я чуть ли не кричу от злости и отчаяния. Проверяю оба комода, выдвигаю все ящики, но снова фиаско. Я так устала от этих поисков и рытья в вещах, что, не удержавшись на ногах, плюхаюсь на пол и в упор смотрю в зеркало во весь рост прям напротив себя.

Девушка, сидящая на полу по ту сторону, и вправду выглядит не очень – уставшая, с тёмными тенями под большими голубыми глазами, каштановые волосы, собранные в хвост, растрепались и выбившиеся волоски образовали пушистый ореол вокруг головы. Это даже немного рассмешило меня, словно царица бардака, потому что погром устроен в буквальном

смысле. Лицо по форме напоминало сердечко, от чего часто приходилось отбиваться от назойливых поклонников, желающих потрепать меня за пухлые щёчки.

Я облокотилась головой о свои колени, всё ещё готовой искать нужную мне вещь, просто нужно подумать, где может находиться личный сейф мужа, куда бы я сама его спрятала. Почему, когда мы пытаемся найти что-то для нас необходимое, эта вещь или предмет ускользают всё дальше. Как будто проверяют, достойны ли мы получить желаемое. Но во что бы то не стало, я должна отыскать папку.

Поднимаюсь с пола и тянусь к выключателю света, как вдруг в глаза бросается маленькая кнопочка в верхнем левом углу полки, нажимаю на неё, но ничего не происходит. С отчаянием хлопаю по выключателю и выхожу из комнатки. Следующий этап – сама спальня.

Проведя в поисках почти два часа, плюхаюсь на кровать совсем обессиленной, утыкаюсь лицом в подушку и кричу в неё, выплёскивая всю злость, смешанную с отчаянием.

Глава 4

Наревевшись из-за неудачного поиска этого чёртова сейфа и с криком в подушку, освобождаюсь от накопившихся негативных эмоций. Если это чья-то злая шутка, то пусть пеняют на себя. Лёжа в раздумьях, всё-таки понимаю, что это далеко не розыгрыш, такими вещами не разбрасываются в разные стороны. Если Роман так тщательно охраняет свою личную жизнь, даже от меня, значит, на то есть причины. Я не сужу его, ведь наши чувства к друг другу совсем неясны. Мои сердце и душа полностью принадлежат мужу – это, бесспорно, но разум говорит обратное, что следует оберегать самые уязвимые места. Словно разрываюсь на части, и их может собрать воедино только он. Лишь остаётся одно, взаимны ли эти чувства. Его письмо, адресованное мне ранее, терзает всю меня, эти слова, написанные им, – мне так хотелось бы услышать их вслух. Но, в то же время, даю себе отчёт, что мужа рядом нет, и что бы ни было в этой папке, и как бы он не просил помнить о его влюблённости ко мне со времён учёбы, смогу сделать вывод, лишь когда узнаю, что в ней такое хранится.

В нашей комнате творится настоящий погром, будто грабители прошлись по всем уголкам. Я осматриваю спальню, пытаюсь ещё раз охватить все её участки, вдруг что-нибудь да пропустила. Но даже сейчас снова всё мимо. Принимаю решение, что следует перевести дух, а уже потом опять взяться за поиски. Поднимаюсь с постели и чувствую, как меня начинает нести в сторону, хватаюсь за тумбочку около кровати и, кое-как совладав с равновесием, восстанавливаю своё участившееся дыхание. Последнее время, а именно эти полгода, с моим здоровьем происходит что-то неладное, и только сейчас замечаю некоторые совпадения: кошмары стали посещать меня ровно тогда, когда свёкор намекнул Роману о последствиях, если тот не прекратит вести дела компании на стороне. Муж, как всегда, отмахнулся от угроз отца, не придавая им никакого значения, но теперь, во мне зародились крупницы сомнения, ведь «добрый папа» мог через меня насолить сыну. Их скрытая битва между собой не принесёт обоим ничего хорошего, а главное, почему родные друг другу люди воюют – тоже не ясно. Вспоминаю, что Самир упомянул о переходе компании к Роману и неохоту Давида Александровича. Но тогда вопрос не из лёгких, почему именно сейчас он передумал передавать пост сыну, как намерен изменить пункты, по которым остальные учредители дали полное согласие.

Мои размышления прерывает телефонный звонок, я мигом бросаюсь на пол и ищу его среди разбросанных вещей. Молюсь, чтобы это был Роман, чтобы он мне, наконец, объяснил, что происходит и где, черт возьми, прячет свой сейф. Но, к сожалению, это не муж. Звонит Зоя Степановна.

– Да, – говорю в трубку.

– Анна, дорогая, звоню уточнить, ты приедешь на следующий сеанс? – в голосе слышится сомнение, она наверняка поняла, что тот раз был единственным. Я быстро соображаю, что всё-таки мне следует с ней встретиться, но уже не в качестве пациента. Есть масса вопросов, личных, и которые мы обе сможем раскрыть.

– Зоя Степановна, как клиента не ждите. Но, есть предложение просто встретиться. Что думаете на этот счёт? – сейчас мне настолько волнительно услышать её ответ, в другое время понимаю, что звонки прослушиваются, и этот факт тоже не даёт покоя, по крайней мере, смогу узнать кто причастен к слежке, кому так необходимо по пятам следовать за мной.

Моя бывшая преподавательница немного медлит с ответом, но затем слышу короткое «хорошо». Следующий шаг – назначить место встречи. Если хочу проследить за ищейкой, нужно выбрать более-менее тесноватое место, чтобы сразу сократить число подозреваемых.

– Что скажите, если мы с вами встретимся в кафе неподалёку от вашего офиса, слышала, там делают прекрасный кофе. Как вы любите. – Я снова ощущаю себя студенткой, как будто

время обернулось вспять, и мы всей толпой с девчонками с любимым преподавателем договариваемся о встрече в неформальной обстановке.

– Анна, думаю, что согласна. Смогу увидеться с тобой завтра после работы.

– Отлично. До завтра, Зоя Степановна.

Она отключает телефон, и я мысленно ставлю галочку, чтобы не забыть весь список вопросов, которые непременно озвучу, как бы хотелось получить немного информации, возможно пусть даже самую малую часть её. Но тогда появится возможность откопать и приблизиться к более весомой.

В дверь спальни кто-то постучал, я аккуратно поднялась с пола, боюсь, вдруг опять поведёт, но все в порядке, иной раз, кажется, что это происходит не со мной. Открываю её и вижу на пороге Елизавету.

– Анна Валерьевна, ужин готов. Накрывать на стол? – Она внимательно осматривает меня и пытается заглянуть вовнутрь комнаты, будто что-то выискивает, я намеренно прикрываю дверь, не даю ей пространства для размышления. Незачем знать персоналу об устраиваемых погромах. Это как дать лишний повод пустить сплетни, что среди нашей семьи является лакомым куском. Теперь я поняла, что доверять придётся лишь единицам, вся ситуация напоминает кино, где друг за другом шпионят, доносят и врут в глаза. Как оказалось, такое может происходить и в реальной жизни.

– Да, сейчас спущусь.

Елизавета ещё раз осматривает меня, будто пытается убедиться, что я в полном сознании, а я в свою очередь улыбаюсь ей, смягчая свой ответ.

Ужин прошёл в полной тишине, утолив свой голод, размышляю, в какую бы часть дома спрятала то, что имело бы для меня ценность. Наш дом большой, и чтобы обойти его полностью двумя часами не отделаешься. На заметку беру домашнюю библиотеку. Мой муж любитель хорошего чтения, как приятно осознавать, что не так плохо знаю его личные привычки и пристрастия. Помню, как тогда в кафе пять лет назад он долго рассказывал мне о своих мечтах, что будь бы у него другая жизнь, непременно посвятил бы путешествиям. Это воспоминание вызвало у меня улыбку на лице. Я смотрела на него, любясь красивым лицом, и хмурым взглядом. В тот вечер он был так загружен какими-то мыслями, я видела, как то и дело проверял телефон. Помню, даже предложила ему встретиться в следующий раз, если сейчас у него есть дела поважнее. Но он, как всегда, отмахнулся, и взяв в свои руки мои, оставил нежный поцелуй. Это был первый поцелуй – такой необычный. И всё-таки, что-то тревожило его в тот день, было видно даже невооружённым взглядом.

Закончив с ужином, направляюсь в библиотеку, хочу ощутить присутствие своего мужа, хоть он просил о нём не беспокоиться, но я всё равно не нахожу себе места. Отчего-то в моей душе селятся сомнения в его безопасности. Однако теперь мне жизненно необходимо найти ту чёрную папку, о которой он писал в письме. Нашей дом-управляющей не было нигде видно поблизости, и чтобы найти ключ от книжной комнаты я направилась в её спальню.

Постучав несколько раз в дверь, стою и жду ответа, но его нет. Обращаю внимание на наручные часы, и удивляюсь, как быстро пролетело время, сейчас уже поздно и возможно Елизавета закончила свой рабочий день. Я никогда не настаивала на определённом графике, для меня было важно, чтобы дом всегда поддерживался в порядке, и была приготовлена еда. Когда мы только поженились с Романом, я предложила ему, что займусь готовкой сама, даже настаивала, но муж заявил, что его жена не кухарка. Воспоминания нахлынули с такой силой, даже день свадьбы помнила до мельчайших деталей. Ведь наши отношения начинались так красиво и романтично, казалось, вот-вот всё перерастёт в более крепкие чувства, чем они были, и в какой-то момент всё оборвалось. Точно не помню, когда, но случилось это спустя год нашего брака.

Роман стал отдаляться от меня, а я не настаивала. Всегда знала, что он приедет домой ко мне, и никогда не было ревности, ровно до тех пор, пока на глаза не попала статья жёлтой прессы. Пусть даже Роман объяснил, что это проделки отца, но, как эта Наташа прижималась к мужу, говорит совершенно обратное, конечно возможно она прекрасная актриса, но отчего-то я так не считаю.

Не дождавшись никакого ответа от Елизаветы, ухожу обратно к себе в спальню. Нужно прибрать весь бардак и наметить список вопросов для Зои Степановны.

Спустя полтора часа уборки, устала так, что в буквальном смысле свалилась с ног в постель, даже поленилась снять с себя одежду. На удивление утомление пошло мне на пользу и никакие кошмары не стали сниться сразу, но ближе к утру я почувствовала озноб, меня начало трясти так, как будто температура подскочила под сорок, и пересохло в горле.

Кое-как встав с постели, отправилась в ванную комнату, и, отмокнув в чуть ли не в кипятке, наконец, почувствовала, как мышцы расслабляются. Освобождаются от напряжения. Сегодня не первая ночь, когда я ночую дома одна без мужа, но она первая, когда мне так его не хватает. Все эти тайны, загадки, крутящиеся вокруг нас, утомили достаточно, пора уже начать с чистого листа без всяких прикрас. Но когда этот чистый лист начнётся одному богу известно.

Отдалённо слышу, что звонит мой телефон, раскрываю глаза и лениво выхожу из ванны, обмотавшись пушистым махровым полотенцем, и не успеваю войти в свою комнату, как в неё врывается Самир.

– Азиза – Анна, почему ты не отвечаешь на звонки? – он с беспокойством осматривает меня с ног до головы. В этот момент ощущаю себя неловко, что восточный друг позволил ворваться в комнату к замужней женщине, да ещё практически голой. Я возмущённо запульнула в него первым попавшим мне в руку предметом – расчёской, та в доли сантиметра пролетела мимо головы Самира.

– Какого чёрта тырываешься ко мне в спальню, Самир! – кричу на него.

Мне показалось, что он слегка побледнел, а потом опустил глаза и приподнял руки, будто безмолвно просит прощения. Наконец, когда он вышел из комнаты, я мигом срываюсь с места и смотрю на свой мобильный телефон, и не верю собственным глазам: я уснула в горячей ванне и уже почти обеденное время, и самое ужасное – я пропустила звонок от Романа, плюс к этому десять пропущенных от Самира. Но мне жарко так, что точно могла бы согреть пол Европы. Спустя десять минут спускаюсь на кухню в поисках нашего друга и моего взломщика.

Нахожу Самира в кухне, он мило беседует с Елизаветой, а та в свою очередь порхает перед ним словно бабочка. Замечаю, что она подкрасила губы и глаза, хотя раньше за ней такого не наблюдала. Мысленно улыбаюсь её выходке, но не виню, перед таким мужчиной, как Самир, сложно устоять. И чисто по-женски я её понимаю. Елизавета достаточно молодая женщина, хоть и старше меня почти на пятнадцать лет.

– Надеюсь, это первый и последний раз, когда ты повёл себя не как мужчина, – начинаю разговор. Елизавета напряглась, но не сдвинулась с места, смотрю на неё и кажется, что она следит за каждым моим словом. Я отмахиваюсь от собственных мыслей, слишком уж стала подозрительной ко всем. Прошу дом-управляющую принести ключ от библиотеки, она нехотя, но принялась выполнять поручение. Наконец мы с другом остались наедине.

– Анна, твой муж просил меня срочно приехать сюда и проверить как ты, – начал оправдываться он, затем внимательно осмотрел мое лицо, словно выискивал что-то. – Ты похудела, с тех пор как мы познакомились ещё в университете, видимо замужество тебе вредит. – Самир смеётся, и я покупаюсь на его мудрую шутку. На востоке принято говорить обратное: замужество должно быть к лицу женщине, но друг перефразировал поговорку на свой лад, точно подметив моё состояние.

– Мы уже не те, что раньше, Самир, – отвечаю ему, а сама тем временем наливаю нам чай, приготовленный Елизаветой.

– Ты нашла то, о чём просил Роман?

Самир задал вопрос в лоб, и я понимаю, что он действительно вышел на связь с Романом. Как я сейчас злюсь сама на себя, за пропущенный звонок, за то, что в ванной уснула – ведь могла утонуть в ней – какой безрассудной была бы смерть.

– Нет ещё, и даже нет идей, куда он мог спрятать это, – отвечаю другу. Я стою возле барной стойки и держу в руках чашку с чаем, аромат жасмина распространился по всему помещению, напоминая мне наше первое путешествие с Романом по городам Европы.

«Великолепный вид открывался из окна очередной гостиницы, во Франции: совсем близко, хоть рукой подать, находилась Эйфелева башня, по загруженным улочкам уже давно шла буйная жизнь, недалеко от нас располагалась пекарня, и запах свежих багетов распространялся по всему кварталу, заманивая своих покупателей. Медленно вдыхаю его, он смешался с весенними цветами, теперь пряность несла в себе ароматы весны. На балконе, где я стою и наблюдаю за этим уютным раем, всюду расставлены горшки с жасмином, отчего маленькое пространство напоминает творение художников, которых мы видели вчера, когда проходили по улице «свободных художников». Некоторые даже предлагали запечатлеть карандашом на холсте нашу пару, но одному юноше всё-таки удалось уговорить нас. На прекрасном языке любви я слышала, как Роман что-то спорил, шутя, с мальчиком, тот же не отставал, но итог получился восхитительным. Наша пара теперь навсегда останется на холсте свободного художника. Роман щедро заплатил тому мальчишке, хотя тот, как мог, отбивался от платы.

– Pour un couple heureux, ce n'est pas dommage et des centaines d'heures (для счастливой пары не жалко и сотни часов) – произнёс парень, раздавая полученные деньги всем остальным художникам, стоящих поблизости.

Эти минуты мгновенья навсегда останутся в нашей жизни. Оборачиваюсь и люблюсь своим мужем, мне не верится, что мы это сделали. Что мы, наконец, поженились вопреки всему – вопреки нашим родителям».

Я снова возвращаюсь в реальность, и как бы это не звучало паршиво, но мне хочется вернуться обратно в свои воспоминания.

– Почему ты не у себя в стране? – задаю вопрос Самиру. Насколько я помню, его не было здесь. Друг отпил из чашки чай и начал плевать.

– О, Аллах, как ты пьёшь эти помои, – возмущается он, и в этот момент входит Елизавета, она слышала ругань Самира, отчего залилась пунцовой краской. – Я бы показал, как правильно готовить чай, но, к сожалению, времени в обрез.

– Не уходи от вопроса, – не сдаюсь, продолжаю ждать, что друг ответит.

Елизавета отдала мне ключ от библиотеки и снова покинула кухню, оставляя нас одних наедине.

– Азиза-Анна, я и не уходил. Была намечена встреча с Романом на вчера, но как видишь, эта встреча случилась с тобой. – Он встал из-за стола и подошёл ко мне настолько близко, насколько мог позволить себе восточный мужчина, и сжимая мое плечо, продолжил говорить: – Я не мог дозвониться до тебя, даже не помню сколько раз набирал. Роман с ума сошел, когда тоже попытался, но ему срочно нужно было уезжать, поэтому попросил меня приехать к вам домой. Твоя домработница сказала, что с вечера не видела тебя. А с текущей ситуацией, что ещё я мог подумать.

Он опустил меня и развел руками, будто принял факт поражения.

– Знаешь, Самир, мне не понятно лишь одно: какого черта Роман не мог мне сказать это раньше. А теперь, я точно уверена, что вы в курсе чего-то, что намерено скрываете от меня. Вы что, оба насмотрелись Бонда?

Я почти кричу на него, от вспыхнувшей злости бросаю чашку в раковину, и от той отламывается хрупкая ручка. И сейчас смотрю на неё и понимаю, что это я, эта чашка символи-

зирует меня, пусть она не разбилась полностью, но её осколки и части, подобны моей душе, склеить обратно уже не получится.

– Где сейчас мой муж? – тихо задаю вопрос. Сейчас я стою спиной к другу и не могу видеть его эмоций, то, как он попытается скрыть свою ложь.

– Да простит меня всевышний Аллах, Анна, – Самир обнял меня за плечи и развернул к себе лицом, я уткнулась ему в грудь, такую же крепкую, как у Романа, но не ощутила того тепла, что могла получить, обнимая мужа. – Прости, но я не вправе распространять информацию о его местонахождении. Даже тебе.

Самир обнял ещё крепче и поцеловал в макушку, как будто я была его маленькой сестрой.

– По крайней мере, ты знаешь, где он, это хоть немного успокаивает меня. Но тот факт, что мне об этом неизвестно ранит ужасно, – отвечаю ему.

Самир понимающе кивает головой, но продолжает молчать. Наше короткое мгновение наполнилось абсолютной тишиной, никакие звуки в этот момент не отвлекали от нужных мне согревающих объятий. В руках Самира я чувствовала себя, словно нахожусь дома, но мне чужды эти ощущения, и я стряхиваю их с себя. Наш восточный друг для меня навсегда останется почти братом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.